

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета Стровского Дмитрий Леонидовича, профессора, доктора политических наук, научного сотрудника Ариэльского университета (г. Ариэль, Израиль), на диссертацию Аргылова Никиты Антоновича на тему: «Медиаполитика Республики Саха (Якутия) в современных условиях: концепция, направления, способы реализации», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 10.01.10. – Журналистика.

В представленной диссертационной работе поднимается актуальная для сегодняшнего дня проблема: возможно ли в современных политических условиях, сопровождаемых большим числом кризисных явлений и разнообразных вызовов, формирование единой медиаполитики, консолидированной по своем ориентирам и учитывающим интересы различных социальных групп? Автор отвечает на этот вопрос утвердительно, рассматривая данную тему на примере одного из ключевых для России регионов — Республики Саха (Якутия). С одной стороны, он значим в экономическом отношении, является многонациональным, а с другой — довольно типичен на фоне многих других регионов страны. СМИ здесь также схожи в своем существовании, если сравнивать их развитие на других российских территориях.

В современных российских исследованиях по вопросам СМИ тема медиаполитики, как совокупности социально-политических и идеологических факторов, влияющих на развитие медиапространства, представлена пока нечасто. Внимание к ней требует проведения серьезного анализа, рассматривающего терминологические особенности этого понятия, ключевые приоритетыластной политики в области СМИ и реализации собственно журналистской деятельности. Такого рода исследование всегда носит междисциплинарный характер, что определяет сложности его успешного проведения. Видимо, по этим причинам медиаполитика не является пока активно востребованной в рамках научного анализа. Н.А. Аргылов предпринимает попытку осмыслить ее сущность и особенности развития на примере Саха (Якутия) и реализует эту задачу, на основе понимания основной цели, стоящей перед ним как исследователем.

Диссертант предлагает достаточно аргументированный и последовательный план работы: вначале обратиться к теоретико-методологическим подходам в определении понятия «медиаполитика», далее проанализировать современную медиаполитику Республики Саха (Якутия), с точки зрения концептуальности ее разработки и способов реализации, и, наконец, в завершающей, третьей, главе пристально взглянуть на реализацию концепций региональной медиаполитики, исходя из преодоления диспропорций ее развития. Такая программа действий оправданна (применительно к раскрытию как диссертационной темы вообще, так и ее составляющих в частности) и позволяет точно обозначить проблемное поле исследования.

Подготовка работы базировалась на изучении значительного числа академических работ, написанных как российскими, так и зарубежными исследователями и тесно связанных с проблематикой данного сочинения, а также на обширном эмпирическом материале — региональных документах, рассматривающих развитие информационной политики, и опросах журналистов Республики Саха (Якутия). Используемые факты и цифры, подтверждающие развитие СМИ этого региона, дополняет общую ценность представленной работы. Все это создает доказательную базу данного сочинения и усиливает научную аргументацию диссертанта.

Нельзя усомниться в справедливости общих выводов Н.А. Аргылова, сделанных по ходу написания и в заключении представленного текста. Они исходят из авторского видения предлагаемой темы и той содержательной конструкции, которая формулируется автором уже во введении. Здесь, в частности, обосновывается тезис о том, что в современных условиях реконструируется само информационное пространство (как на федеральном, так и региональном, местном уровнях), что требует обновленной проработки терминологии, связанной с региональной медиаполитикой, и уточнения целого ряда ее аспектов (таких, например, как глобализация и локализация). Автор справедливо ставит вопрос об очевидном дефиците эмпирических данных, касающихся современного развития региональных СМИ. Наконец, он обоснованно выдвигает идею о том, что требует серьезного уточнения такое понятие, как идеология региональной политики, включающая в себя действия государственных структур по отношению к СМИ.

Вместе с тем, рассматривая многие ключевые для своей диссертации вопросы, Н.А. Аргылов обращает внимание, прежде всего, на технологические факторы, определяющие современное состояние и будущее развитие медиаполитики, оставляя на втором плане собственно «человеческий фактор». Вот и применительно к актуальности исследования, открывающего диссертационный текст (на с. 3), автор ставит в первую очередь вопрос об информационных технологиях, о необходимости привлечения в СМИ

специалистов, владеющих навыками продюсирования, редактуры и дистрибуции, о «цифровизации» медиапространства. На общем фоне задача формирования мыслящих журналистов — людей, осознающих ответственность за сказанное слово, умеющих наладить устойчивый диалог с аудиторией — как-то невольно отходит на второй план. Между тем, именно этого остро недостает в России в последние десятилетия, в условиях устойчивой технологической трансформации информационного процесса. В результате основательно забытыми оказываются сами азы журналистской профессии, ее коренные отличия от других видов массово-информационной деятельности. Без этого понимания никогда не состоится развитие самой медиаполитики, будь даже основанной в теории на самых праведных и гармоничных принципах.

В положениях, выносимых на защиту (на с. 9), автор справедливо утверждает, что разработка медиаполитики наталкивается на целый ряд трудноразрешимых вопросов. В числе последних называются высокая концентрация СМИ в руках региональных органов власти, что, по словам диссертанта, «не учитывает баланс интересов бизнес- и политических элит в формировании информационной повестки региона». Отмечается также, что «органы государственной власти и властные элиты настроены максимально сохранить контроль над информационными потоками».

Все так, но сам автор, по ходу текста, ослабляет внимание к комплексному характеру этого явления, не акцентирует внимание на том, что для изменений ситуаций необходимо качественно иной уровень мышления самих журналистов. Более того, ссылаясь, в частности, на результаты, социологического опроса якутских журналистов (с. 89-98), он подтверждает их тяготение к системе государственного медиауправления. В этом нет ничего неестественного, если принимать во внимание традиции существования российских СМИ. Однако точно к тому же сводятся и окончательные выводы работы, когда Н.А. Аргылов пишет, что *оптимальный вариант* существования СМИ — это «автономное учреждение, являющееся одним из видов государственных и муниципальных структур» (с. 141). Значит, нынешнее организационное состояние якутских СМИ и их ярко выраженная подчиненность органам власти выглядит нормальным и даже перспективным для медиапроцесса? На наш взгляд, это не так. Однако, несмотря на признание того, что государственные структуры активно ограничивают свободу самореализации современных российских СМИ (этот вопрос озвучивается в диссертации не раз), автор, по сути, не решается сказать напрямую: никакая медиаполитика не станет устойчивым, ответственным и саморазвивающимся явлением, если будет базироваться только на государственных ресурсах и отстаивать интересы государственных медиа.

Но сегодня складывается именно это — как на федеральном уровне, так и региональном. Именно отсутствием равных возможностей в организации

медиапроцесса между теми, кто работает на государственные и частные СМИ (о чем говорил еще в 2009 г. тогдашний президент России Д.А. Медведев) можно объяснить многие проблемы, которые становятся угрозой для появления подлинно журналистской информации. Отсюда и неспособность редакционных коллективов оперативно реагировать на запросы времени, о чём также пишет Н.А. Аргылов (с. 72, 76, 81). Монополизация не приводит ни к чему хорошему, и сфера СМИ в этом отношении не исключение. Но как можно в этом случае говорить об эффективной медиаполитике, принимая во внимание, что она должна учитывать интересы не только властных структур, но и общества? Автор предпочитает лишь косвенно обратить внимание на эту проблему.

Резонно задаться и другим вопросом: кто должен выдвигать эту тему на повестку дня? Само медиасообщество, в первую очередь. А оно молчит. Но тогда уместно говорить о формировании его социальной ответственности. Если обсуждать более предметно, то проблемы реализации профессиональной позиции журналистов, по существу, остаются за рамками диссертационной работы. Получается опять же, что медиаполитика — это исключительно зона ответственности органов власти. С этим трудно согласиться, учитывая, что эта политика призвана учитывать интересы многих субъектов, и органы власти лишь один из них.

Тревожная ситуация в сфере СМИ касательно прав и свобод журналистов, их взаимодействия с аудиторией (как в Якутии, так и во многих других регионах страны) с неизбежностью подводят к проблемному восприятию российского информационного пространства. Именно поэтому постановка в диссертации вопросов медиаполитики могла бы выглядеть более обостренной. Речь в данном случае не идет о тоне высказываний (он должен в любом случае оставаться академическим, с учетом научности жанра), но о наличии конкретных примеров из практики якутских СМИ, а также, возможно, об использовании в тексте фрагментов интервью с местными журналистами по теме обсуждения.

Было бы важно узнать мнение докторанта по отмеченным выше аспектам хотя бы в ходе защиты представленной работы.

Не менее значимым (тоже в ходе защиты) остается прояснение и других вопросов.

1. В заглавие диссертации вынесено понятие «медиаполитика». Вместе с тем в название главы I включен термин «информационная политика» (который развивается далее по тексту). На с. 45. появляется уже термин «информационное поле», которому тожедается определение. На с 78 встречается еще одна дефиниция: информационно-коммуникативное пространство региона. Не очень понятно: все эти дефиниции являются синонимами или самостоятельны по содержанию?

2. В положениях, выносимых на защиту, представлена противоречивая действительность, накладывающая отпечаток на развитие информационного пространства в республике Саха (Якутия). Автор признает, в частности, плохой уровень современной кадровой политики в сфере СМИ, ограниченность социально ориентированной информации, затрагивающей коренные интересы аудитории, жесткое воздействие на редакции со стороны чиновников и т.д. Как можно в этих условиях реализовать программу эффективного медиаобразования (о чем также пишет автор)? Идея индустриального партнерства и участия работодателей в подготовке журналистских кадров в этом случае может реализоваться лишь на основе жесткого контроля со стороны органов власти. Можно ли тогда считать медиаполитику эффективной с точки зрения интересов массовой аудитории?

3. На с 29-39 присутствует большое число определений информационной политики. Однако, ввиду их многообразия, начинаешь теряться, тем более, что они почти не анализируются. Затруднительно понять и на каких позициях стоит сам автор. Разделяет ли он, например, суждение о том, что информационная политика отражает в первую очередь деятельность органов и структур государства во всех сферах общественной жизни (из одного определения), или она является «частью общей политики государства, партий, других институтов гражданского общества, направленную на создание благоприятных условий для осуществления информатизации всех сфер общественной жизни» (из другого определения)? Несложно заметить, что между этими формулировками существенная разница.

4. Можно ли в условиях подчиненности большинства якутских СМИ органам власти реализовать весь набор медиафункций: общественно-политическую, культурно-просветительскую, информационно-аналитическую и т.д. (что отмечается на с. 66). Отмеченные функции могли бы развиваться активнее, если бы в республике было заметным движение к рынку массовой информации. Но сам автор, похоже, не склонен утверждать это.

5. Не кажется ли диссертанту, что соцопрос настроений якутского медиасообщества (с. 89-101), приведенный в работе, было бы правильным дополнить собственным изучением аудитории. В этом случае можно было бы говорить о наличии собственного эмпирического материала, что повысило бы ценность сочинения.

6. Можно ли четче обосновать временные рамки работы (с. 14)? Из текста не очень понятна начальная точка отсчета: 2010 г. Как следует понимать мысль о том, что с 2010 по 2017 гг. «наиболее ярко проявились последние тенденции в медиасистеме региона»? Если тенденции последние, то в иное время они проявиться попросту не могли.

7. В тексте встречаются нарушаются правила склонения фамилий. Так, диссертант отмечает (на с. 19), что для рассмотрения взяты «современные теории коммуникаций, выдвинутые У. Липпман, Г. Лассуэлл, М. Маклюэн». По

правилам русского языка эти фамилии ставятся в творительном падеже (кем? Липпманом и т.д.).

Высказанные вопросы и замечания не меняют коренным образом восприятие диссертации. Это логически обоснованный и грамотно написанный научный текст, подтверждающий стремление автора разобраться в предлагаемой терминологии и «наложить» ее на практику региональных СМИ. Отдельные положения работы могут стать основой для написания дальнейших работ, касающихся изучения различных аспектов российской медиаполитики, как федеральном, так и региональном уровнях.

Таким образом, диссертация Аргылова Никиты Антоновича на тему: «Медиаполитика Республики Саха (Якутия) в современных условиях: концепция, направления, способы реализации» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Аргылов Никита Антонович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 10.01.10 – Журналистика. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

**Член диссертационного совета
Д.Л. Стровский,
доктор политических наук, профессор,
научный сотрудник Ариэльского университета (Израиль)**

**Prof.-Dr. Dmitry Strovsky,
researcher at Ariel University (Israel)
e-mail: strovsky@mail.ru; dmitryst@ariel.ac.il
Phone: +7972-503800208**

20.01.2019.